

Алина Веснина

Второй шанс для Громова

Алина Веснина

Второй шанс для Громова

<https://litres.ru/74195657>

SelfPub; 2026

Аннотация

Девять лет назад Лера Ветрова ушла от Артёма Громова молча — в день, когда его фамилия стала приговором для её отца.

Теперь у неё своя студия дизайна, железные правила и отцовская рулетка в сумке: семь раз отмерь. Но выигранный тендер приводит Леру в родовую усадьбу Громовых — и куратором проекта оказывается тот самый Артём. А в контракте — пункт четырнадцатый: никаких личных отношений с представителями заказчика.

Старый дом умеет хранить секреты. В замурованной нише восточного крыла девять лет ждёт своего часа каска с инициалами её отца — и правда об аварии, которая сломала две жизни. Кто-то очень не хочет, чтобы эту стену вскрывали. И этот кто-то умеет улыбаться вовремя.

Вторые шансы не выдают — их строят. Как дома: с расчисткой завалов и проверкой каждой несущей конструкции. Фундамент всегда один — правда.

Вторая книга о семье Громовых. Продолжение романа «Контракт на жену» — читается как самостоятельная история.

Содержание

Глава 1. Бокал на свадьбе	4
Глава 2. Пункт четырнадцатый	20
Глава 3. Восточное крыло	34
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Алина Веснина

Второй шанс для Громова

Глава 1. Бокал на свадьбе

На свадьбу человека, чью фамилию я девять лет вычёркивала из своей жизни, меня привёл подписанный договор — и привычка отмерять семь раз оказалась бессильна.

Договор лежал в папке, папка — в моей сумке, а сумка билась о бедро на каждом шаге, пока я шла по гравийной дорожке усадьбы «Соколиное» и уговаривала себя, что это обычная сдача эскизного проекта. Обычный заказчик. Обычный вторник.

По обычным вторникам над обычными заказчиками не летают белые голуби и не играет струнный квартет.

Я остановилась у поворота аллеи и посмотрела на всё это великолепие глазами человека, которому через двадцать минут показывать чертежи. Шатёр на двести персон — каркас арочный, тент натянут безупречно, кто-то не поскупился на монтаж. Гирлянды между вековыми елями — крепёж на стяжках, не на гвоздях, спасибо хоть деревья пожалели. Белые розы в таком количестве, что их хватило бы задекорировать фасад трёхэтажного особняка.

И только потом я увидела арку, а под аркой — жениха и невесту.

Жених был высокий, тёмный, в идеальном костюме, и держал невесту за руки так, будто вокруг не двести человек, а вообще никого. Невеста была в платье цвета топлёного молока и смеялась сквозь слёзы.

Свадьба. Я приехала сдавать проект реконструкции — в день свадьбы владельцев.

— Вика, — сказала я в телефон, очень тихо и очень отчётливо, — почему в календаре стоит «сдача эскиза, „Соколиное“, четырнадцать ноль-ноль», а передо мной двести гостей и священник?

— Ой, — сказала Вика.

— Развёрнутый ответ.

— Письмо от их ассистента пришло вчера в одиннадцать вечера. «Подтверждаем встречу, семья будет в сборе». Я подумала, ну, в сборе, семейный совет, у богатых так принято...

— Семья будет в сборе, — повторила я. — Вика, у них тут вся Москва в сборе.

— Может, это знак? — с надеждой спросила Вика, у которой на любую катастрофу находился знак судьбы. — Приедешь, вольёшься, торта поешь...

Я нажала отбой, потому что к торту прилагался человек, ради которого я девять лет объезжала стороной целый район Москва-Сити, чтобы даже случайно не увидеть буквы «Гро-

мов Групп» на стеклянной башне.

Уехать было нельзя. Тендер мы выиграли месяц назад — маленькая студия «Ветер» против трёх сетевых бюро, я до сих пор не понимала, как. Контракт на эскизную часть подписан, аванс получен и уже частично потрачен на зарплаты и аренду. Сегодняшняя сдача стояла в графике отдельным пунктом, с пометкой заказчика: «присутствие обязательно». В моём мире, где кредит на оборудование съедал каждый месяц кусок выручки, слова «присутствие обязательно» от заказчика такого калибра означали одно: присутствуй.

Я поправила жакет, перехватила сумку и пошла к шатру — по краю, по самой кромке праздника, как ходят подрядчики: незаметно, вдоль линии обслуживания, там, где официанты и провода.

Не помогло.

— Вы к кому? — Девочка-подросток выросла передо мной из-за колонны роз, как контролёр из-за турникета. Лет двенадцать-тринадцать, платье подружки невесты, взгляд следователя по особо важным делам. В руке — бокал с чем-то оранжевым и трубочкой.

— Я по работе, — сказала я. — К Аркадию Ильичу. У меня встреча.

— На свадьбе не бывает встреч. На свадьбе бывают гости и халявщики. — Она отпила из трубочки, не сводя с меня глаз. — Вы недостаточно нарядная для гостыи и слишком нарядная для халявщицы.

— Я архитектор интерьеров. Мы будем реконструировать восточное крыло. — Я кивнула на дом, и рука сама дёрнулась показать: вон там трещина по карнизу, там водосток убил отмостку, у вас флигель гуляет по фундаменту, у него цоколь дышит. Я вовремя остановилась. — Меня зовут Лера.

Девочка склонила голову набок.

— Ника, — сказала она. — Сестра невесты. А вы пахнете правдой, но улыбаетесь как врунья. Так бывает, когда человек боится. Вы кого тут боитесь?

Мне бы позвать её к нам в студию, посадить напротив заказчиков на первой встрече, пусть считывает. Сэкономили бы кучу денег на этапе «а потом выяснилось».

— Я боюсь опоздать на встречу, — сказала я ровно настолько твёрдо, чтобы это могло сойти за правду.

— Врёте, — удовлетворённо кивнула Ника и вдруг взяла меня за рукав. — Ладно. Пойдёмте, провожу к дедушке Аркадию. Только имейте в виду: если вы очередная охотница за громовскими деньгами, я вас вычислю за один день. У меня уже есть опыт. Одну такую с совета директоров выносили.

— Верю, — сказала я совершенно искренне.

Она повела меня не по краю, а напрямик, сквозь праздник, и праздник расступался перед ней, как вода перед камнем. Я шла в кильватере и смотрела по сторонам ровно столько, сколько нужно, чтобы не споткнуться о чей-нибудь шлейф.

Поэтому его я увидела раньше, чем он меня. На три секун-

ды раньше. Эти три секунды я потом вспоминала всю осень.

Артём стоял у стола с высокими бокалами, вполоборота, и что-то рассказывал двум смеющимся мужчинам — легко, свободно, дирижируя рукой с бокалом. Девять лет добавили ему разворота в плечах и убрали из лица всё мальчишеское, но манеру я узнала раньше самого лица: он всегда рассказывал так, будто мир — это его набросок, и он вправе поправить любую линию. Шрам на левой брови — тонкий, белый — не исчез. Я знала этот шрам на ощупь. Я его бинтовала, когда он, студент, сорвался с лесов на практике, потому что полез показывать монтажникам, «как надо», и с тех пор у меня к бинтам отношение нежное, а к лесам — нет.

Три секунды кончились.

Он повернул голову — обычное движение человека, который ищет глазами официанта, — и увидел меня.

Бокал не разбился эффектно, вдребезги, как в кино. Он просто выскользнул у Артёма из пальцев, ударился о паркетный настил ножкой, подпрыгнул и лёг набок, и шампанское вытекло тонкой шипящей лужицей, и один из смеющихся мужчин сказал: «Оп-па», — и наклонился поднять, а Артём даже не заметил, что у него больше нет бокала. Он смотрел на меня. Через весь шатёр, через двести человек, через девять лет.

— Интересно, — сказала Ника, переводя взгляд с него на меня и обратно, тоном исследователя, у которого сошлась формула. — Дядя Тёма уронил бокал. Дядя Тёма никогда

ничего не роняет. Он однажды поднос с шотами через всю кухню пронёс на одной руке, на спор.

— Пол скользкий, — сказала я.

— Ага, — сказала Ника. — Пол. Конечно.

Идти через шатёр под его взглядом было упражнением по сопротивлению материалов, и материалом была я. Семь шагов до Аркадия Громова я отсчитала, как ступени: раз — спина прямая, два — лицо нейтральное, три — ты подрядчик, четыре — ты просто подрядчик, пять — у тебя договор в сумке, шесть — у тебя кредит и три человека зарплаты, семь — здравствуйте.

— Аркадий Ильич. Валерия Ветрова, студия «Ветер». У нас назначена сдача эскизного проекта.

Патриарх семьи Громовых оказался крупным стариком с тяжёлыми руками и глазами, которые никакой праздник не делал добрее. Он пожал мне руку — по-мужски, всей ладонью, — и держал на секунду дольше, чем требовало приличие, рассматривая меня в упор.

— Ветрова, — повторил он. — Точна, как отец. Тот тоже приезжал минута в минуту, хоть часы сверяй.

Пол качнулся у меня под ногами — совсем чуть-чуть, на миллиметр, но я строю интерьеры и знаю: миллиметр в основании — это трещина по всему фасаду.

— Вы знали моего отца?

— Знал. — Он не стал разворачивать. Хозяин положения всегда решает, какую дверь открыть, а какую придержать.

— Пойдёмте. Раз уж вы приехали работать в день, когда все нормальные люди пьют, — уважаю. Показывайте, что придумали.

— У вас свадьба, Аркадий Ильич. Сын женится.

— Женится старший. А холдингом займётся жизнь. — Он усмехнулся каким-то своим мыслям. — Свадьба идёт своим ходом, невеста прекрасна, тамада в ужасе от моих поправок к сценарию. Полчаса у нас с вами есть. Библиотека. Ника, стрекоза, скажи Дани, чтобы шёл туда же с бумагами.

В библиотеке пахло старым деревом, воском и немного — сигарами, хотя пепельниц я не увидела: значит, курили здесь давно, запах впитался в дуб, такой не выветришь, только шлифовать. Я разложила планшеты на столе, включила визуализации и на сорок минут — Аркадий Ильич соврал про полчаса, ему стало интересно — забыла обо всём, что не было восточным крылом.

Это я умею. Это моё убежище с двадцати одного года: когда мир рушится, бери рулетку и меряй. Мир врёт, люди врут, а размеры не врут. Отец говорил: «Семь раз отмерь», — и я отмеряю. Семь раз. Иногда семьдесят.

— Тут несущая стена, её трогать нельзя, но и не нужно: смотрите, если раскрыть анфиладу вот так, свет пойдёт с юго-востока насквозь... Лепнина родная, тысяча девятьсот седьмой год, реставрируем, а вот это — позднейший гипсокартон, тут его лепили в девяностые, под ним ещё одно перекрытие... У каждого интерьера есть своё враньё, Аркадий

Ильич. У вашего восточного крыла враньё — гипсокартон под лепниной. Уберём — крыло вздохнёт.

— Враньё, значит, — сказал Аркадий Громов и посмотрел на меня тяжело и одобрительно. — Уберём. Я, Валерия Павловна, в моём возрасте только этим и занимаюсь: убираю враньё, которое налепили за жизнь. Не всегда успеваю.

Дверь открылась. Я почувствовала это раньше, чем услышала, — по сквозняку на щиколотках и по тому, как у меня между лопаток прошёл ток, старый, знакомый, девятилетней выдержки.

— Звали, отец? — сказал Артём от двери. Голос у него был лёгкий. Голос у него всегда был лёгкий. По голосу у него никогда ничего нельзя было понять — это по рукам надо было смотреть, а руки он держал в карманах.

— Звал. Заходи. Знакомься — хотя что я, вы же вместе учились. Валерия Ветрова, студия «Ветер». Её эскиз победил в тендере по восточному крылу.

— Я в курсе, — сказал Артём. — Я был в тендерном комитете.

Вот теперь качнуло не на миллиметр.

Тендер. Наш невозможный, невероятный выигрыш — маленькая студия против сетевых монстров. Я месяц рассказывала себе сказку про то, что мы просто лучшие. Я почти поверила.

— Здравствуй, Лера, — сказал он.

— Здравствуйте, Артём Аркадьевич, — сказала я.

Бровь со шрамом дрогнула — на два миллиметра, я измеряю такие вещи автоматически. Девять лет назад он ненавидел, когда я звала его по отчеству, даже в шутку. Судя по тому, как закаменела лёгкая линия рта, за девять лет ничего не изменилось.

— Вот и славно, — сказал Аркадий Ильич, который смотрел на нас обоих с видом человека, отлично понимающего, что за пьесу он поставил и зачем. — Тогда к делу. Валерия Павловна, ваш эскиз я принимаю. Целиком, без поправок совета, поправки будут мои личные и по ходу. Реконструкция восточного крыла — мой подарок. К рождению первого внука крыло должно стоять готовым: детская, семейное крыло, зимний сад — всё по вашему проекту. Соня носит наследника, срок у нас с вами, стало быть, декабрь. Подряд на реализацию — студии «Ветер».

Я услышала цифры раньше смысла: декабрь, семь месяцев, объём работ на полтора года, сжатый втрое. Потом дошёл смысл: полный подряд. Не эскиз — реализация. Для «Ветра» это был не контракт, это был другой класс жизни: закрыть кредит, набрать людей, три года портфолио одним объектом.

— Это очень сжатые сроки, — сказала я, потому что врать заказчику — последнее дело, отцовская школа. — Реализуемо, если решения принимаются быстро и без комитетов.

— Поэтому куратором от семьи будет один человек, с правом подписи по всем вопросам объекта. — Аркадий Ильич

кивнул на сына. — Артём. Он архитектор, у него глаз, и у него, единственного в этой семье, есть вкус к дому, а не к квадратным метрам. Все решения — вы двое. Ежедневно. На объекте.

Тишина в библиотеке встала такая, что стало слышно, как за окнами оркестр играет что-то весёлое, из другой жизни.

— Отец, — сказал Артём ровно, — у меня сеть, у меня запуск в Питере в сентябре...

— Вот и совместишь. — В голосе патриарха мягкости было столько же, сколько в бетоне М500. — Или тебе есть что возразить по существу? По существу кандидатуры подрядчика, например?

Артём посмотрел на меня. Впервые за девять лет — прямо, долго, не через шатёр, а с двух метров, и я выдержала этот взгляд, хотя внутри у меня падали леса, этаж за этажом.

— Нет, — сказал он наконец. — По существу возражений нет. Проект сильный.

— Тогда бумаги. — Аркадий Ильич хлопнул ладонью по столу. — Дани!

Дмитрий Северов, юрист холдинга — я помнила его смутно, по студенчеству, он уже тогда ходил за Громовыми с папкой, — вырос в дверях так быстро, будто стоял за ними всё это время. Скорее всего, стоял.

— Дополнительное соглашение о реализации, — сказал он, выкладывая передо мной документы веером, как крупье. — Объём, сроки, эскроу по этапам. И стандартный пакет:

конфиденциальность, регламент взаимодействия. Подписать можно сегодня, аванс по первому этапу уйдёт завтра.

Я взяла ручку. Своя, всегда своя — отец не подписывал чужими ручками, говорил: чужая ручка — чужие условия.

Я читаю договоры целиком. Всегда. Даже когда напротив сидят три Громова и ждут, даже когда за окном двести гостей и оркестр. Страница третья, раздел «Регламент», пункт четырнадцатый.

«Исполнитель и уполномоченные представители Исполнителя обязуются воздерживаться от личных отношений с представителями Заказчика на весь срок действия договора. Нарушение пункта является основанием для одностороннего расторжения с удержанием обеспечительного платежа».

Я прочитала его дважды. Потом подняла глаза.

Аркадий Ильич смотрел на меня со спокойным, стариковским, всё понимающим интересом. Дани смотрел в стол с профессиональной пустотой в лице. А Артём стоял у окна, спиной к свадьбе своего брата, и смотрел, как я держу ручку над пунктом четырнадцать.

— Это стандартный пункт, — сказал Дани в стол. — После одной истории с подрядчиком совет настоял...

— Подписывайте, Валерия Павловна, — сказал Аркадий Громов, и было решительно непонятно, чего в его голосе больше — предупреждения или азарта. — Или вам есть что возразить? По существу.

Ручка была холодная. Пункт — в шести миллиметрах от

моей будущей подписи, я на глаз беру такие расстояния без рулетки. За окном оркестр доиграл и начал новую — ту самую, под которую мы с Артёмом Грозовым танцевали на третьем курсе в общежитии на проспекте Вернадского, сто лет назад, в другой стране, в другой жизни, где мой отец был жив и звался лучшим инженером «Гром-Плазы».

— Дайте вторую копию, — сказала я. — Я подписываю оба экземпляра сразу. Привычка: семь раз отмерь, один раз отрежь.

И отрезала.

Подпись легла ровно, буква к букве. Руки у меня не дрожат — руки у меня последние девять лет вообще самая надёжная часть организма.

— Ну и славно, — Аркадий Ильич сгрёб свой экземпляр, поднялся тяжело, по-медвежьи, и вдруг накрыл мою ладонь своей, горячей и сухой. — Работайте, Ветрова. И вот ещё что. То, что я про отца вашего сказал, — это не для красного словца было. Будет время — поговорим. Не сегодня. Сегодня у меня старший сын женится, и я намерен напиться так, как положено человеку, которому врачи запретили.

Он вышел, и Дани с папками испарился следом — юристы умеют исчезать из комнаты, где становится лишним любое третье лицо, это у них в почасовой ставке прописано.

Мы остались вдвоём. Я собирала планшеты дольше, чем их можно собирать, — провод от зарядки вдруг стал очень непослушным.

— Значит, студия «Ветер», — сказал Артём от окна. — Три человека, лофт на «Курской», кредит на плоттер и лазерный нивелир.

— Изучал конкурсную документацию?

— Я был в тендерном комитете, — повторил он. — Я всё изучил, Лера. Портфолио хорошее. Особенно ресторан на Пятницкой — свет грамотный.

— Спасибо.

— Я голосовал против.

Провод замер у меня в руках. Я обернулась. Артём стоял против света, и лица было не разобрать — только контур плеч и этот его наклон головы, чуть влево, как всегда, когда он говорил вещи, которые дорого ему стоили.

— Против, — повторила я. — А выиграли мы.

— Отец продавил. У него контрольное слово в семейных объектах. — Он помолчал. — Я считал, что нам с тобой не надо работать вместе. Я и сейчас так считаю. Но проект действительно лучший из четырёх, тут я на комитете не соврал ни слова.

— Ценю прямоту. — Я застегнула сумку. Молния прошла все зубцы, ни один не заело, маленькое бытовое чудо. — Что-то ещё по регламенту, Артём Аркадьевич? Или до понедельника?

— Понедельник, восемь утра, объект. — Он отлепился от окна и открыл мне дверь — жест старомодный, отцовской школы, у Громовых это семейное. Когда я проходила мимо,

он сказал очень тихо, не мне, а куда-то в дубовую панель: — Девять лет, Ветрова. Ни звонка, ни строчки. А теперь ты просто подписываешь бумаги в моём доме.

— Пункт четырнадцатый, — сказала я. — Личное — за рамками договора.

И вышла, пока счёт был в мою пользу, потому что уже в коридоре меня начало трясти — мелко, позорно, от лопаток к локтям, и рулетку отца в кармане сумки я сжала так, что царапина-молния на её стальном боку отпечаталась у меня на пальцах.

Праздник тем временем набрал ту стадию, когда никто уже не следит за периметром: тамада что-то кричал про конкурс для свидетелей, у сцены танцевали дети. Я почти дошла до аллеи, когда меня перехватила невеста.

Вблизи Соня Громова оказалась тёплой, румяной и совершенно не парадной, несмотря на платье ценой в мой годовой оборот. Она держала тарелку с куском торта и решительно вручила её мне.

— Вы Лера, да? Дизайнер? Ника доложила. Ника всем доложила, у нас в семье теперь новостное агентство. — Она засмеялась и тут же посерьёзнела. — Возьмите торт. Я кондитер, мне важно. И... приезжайте в понедельник, ничего не бойтесь. Дом хороший. Люди тут тоже хорошие, просто у всех бронежилеты поверх сердца. Профессиональное.

— Спасибо, — сказала я. — Торт восхитительный. Малина и фисташка?

— И капля розовой воды. — Она просияла. — Первая, кто угадала. Всё, бегу, меня украли фотографии. С меня — экскурсия по дому!

Она умчалась, шурша шлейфом, а я стояла с тарелкой посреди чужого праздника и думала, что заказчики никогда не дарят подрядчикам торт — заказчики дарят подрядчикам сроки и штрафные санкции. Кажется, у этой семьи вообще были проблемы с соблюдением дистанции.

У самых ворот меня догнала Ника. Молча пошла рядом, загребая туфлями гравий, потом сказала:

— Я посчитала. Дядя Тёма за вечер посмотрел в вашу сторону тридцать два раза. Это статистика, а не сплетня, я специально считала.

— Может, он смотрел на выход, — сказала я, — и прикидывал, когда можно будет сбежать со свадьбы.

— Ага, — сказала Ника. — На выход. Тридцать два раза. За сорок минут. — Она остановилась у ворот и протянула мне мизинец. — Давайте так: я вам буду говорить правду про них, а вы мне — про восточное крыло. Там в стене что-то есть, я слышала, как простукивается. Пустота на месте, где пустоты быть не должно. На мизинчик?

Я посмотрела на серьёзный тонкий палец, на упрямый лоб и на глаза, которые видели людей насквозь лучше любого тепловизора.

— На мизинчик, — сказала я.

Знала бы я, что именно найдётся в той стене и во что

обойдётся нам всем эта пустота на месте, где пустоты быть не должно, — развернулась бы я тогда у ворот? Села бы в свою машину, вернула аванс, отдала проект любому сетевому бюро?

Ни за что.

Потому что в стене восточного крыла девять лет ждала меня каска моего отца.

Глава 2. Пункт четырнадцатый

В понедельник в семь сорок пять утра я стояла в переговорной на пятьдесят втором этаже «Громов-Тауэр» и мерила её шагами — не от нервов, а по привычке: переговорная была двенадцать на семь, стол из цельного ореха на шестнадцать персон, и всё в этой комнате было спроектировано, чтобы человек с той стороны стола чувствовал себя маленьким.

Я не чувствовала. Я выросла на стройках, где отец брал меня за руку и вёл по монолиту двадцатого этажа без окон и перил, и говорил: «Не смотри вниз, смотри в узел. Кто смотрит в узел — не падает». С тех пор небоскрёбы для меня — не власть, а набор узлов, и половина из них сделана с экономией на анкерах.

Вошёл Дани Северов с двумя папками и лицом человека, который спит четыре часа в сутки и гордится этим.

— Валерия Павловна. Кофе?

— Воду. И давайте по регламенту сразу: у меня в десять замерщики на объекте.

— Ценю. — Он разложил бумаги. — Дополнительное соглашение о реализации. Ваш юрист присылал правки в пятницу, почти всё учтено. Почти.

«Почти» — любимое слово юристов холдингов. В нём по-

мешается всё: от запятой до пункта, из-за которого через год подрядчик продаёт почку.

Артём вошёл в восемь ноль-ноль, минута в минуту, с кофейной чашкой в руке — не из кофейни, своей, керамической, с щербинкой по краю. Он ставил её на чертежи ещё в студенчестве, и я узнала чашку раньше, чем поздоровалась с хозяином. Девять лет, другая жизнь, другой этаж — чашка та же.

— Ветрова. — Он кивнул, сел напротив и открыл свой экземпляр с закладками. Восемь закладок, я посчитала. — Начнём с графика. Декабрь — это не обсуждается, поэтому обсуждать будем всё остальное.

И мы начали.

Если кто-то думает, что торг по строительному контракту — это скучно, тот никогда не сидел напротив человека, которого когда-то любил, и не спорил с ним о штрафных санкциях за срыв промежуточных этапов. Шекспиру не снилось. У нас на столе лежали графики производства работ, а под столом — девять лет молчания, и каждый пункт мы проговаривали на двух языках сразу.

— Пункт шесть-два: заказчик вправе вносить изменения в проектные решения на любом этапе, — читал Артём. — Стандартная формулировка.

— Вычёркиваем «на любом этапе». После закрытия этапа изменения — новым соглашением с новыми сроками. Иначе вы мне в ноябре передвинете стену, а крайней останусь я.

— «Вы» — это заказчик или лично я?

— Заказчик, Артём Аркадьевич. Лично вы фигурируете в пункте девять как куратор с правом подписи.

— Кстати, о девятом. — Он перелистнул. — Право подписи куратора по отклонениям до двух процентов сметы. Мало. Ставим пять, иначе я тебе... вам... буду согласовывать каждый саморез через совет.

— Три. И лимит на разовое решение.

— Четыре.

— Три с половиной, и я не спрашиваю, почему архитектор сети ресторанов так рвётся согласовывать саморезы лично.

Дани кашлянул в кулак. Артём посмотрел на меня поверх чашки, и в глазах у него на секунду мелькнуло то самое, студенческое: азарт игрока, которому наконец-то попался достойный стол.

— Три с половиной, — согласился он. — Зафиксировали.

А потом я достала свой лист. Один-единственный пункт, набранный двенадцатым кеглем, я его формулировала всё воскресенье и переписала шесть раз.

— Дополнение исполнителя. Пункт пятнадцать: любые изменения смет, объёмов, материалов и технических решений оформляются письменно за подписью уполномоченных лиц обеих сторон до начала исполнения. Устные распоряжения не имеют силы независимо от того, кем отданы. Без этого пункта я не подписываю.

Дани поднял бровь — на языке юристов это истерика.

— Валерия Павловна, регламент и так предусматривает документооборот...

— Регламент предусматривает, а жизнь — нет. — Я положила лист на середину стола. — Я дочь инженера. Я знаю, чем заканчивается «делай, потом оформим». Сначала устное распоряжение, потом экономия на крепеже, потом авария, а потом виноват тот, чья подпись стоит на исходной смете, а не тот, кто командовал через голову. Письменно — или никак.

Стало тихо. Дани смотрел на Артёма, Артём смотрел на меня — долго, внимательно, и лёгкости в этом взгляде больше не было. Он знал, о чём я. Конечно, он знал. Вся Москва строительная когда-то знала фамилию Ветров, просто у Москвы короткая память, а у меня — нет.

— Принимается без правок, — сказал Артём негромко. — Дани, вноси. И продублируй этот пункт во все субподрядные договоры программы. Во все, по всем объектам холдинга.

— Все — это сорок два договора, — сказал Дани.

— Значит, сорок два раза, — сказал Артём, не отводя от меня глаз.

Я опустила взгляд в бумаги. В горле стояло что-то, чему в переговорных не место.

К десяти мы закрыли двадцать девять пунктов из тридцати одного. На тридцатом — «размещение исполнителя на объекте» — дверь без стука открылась, и в переговорную вошло прошлое, о котором я не вспоминала, потому что оно

всегда казалось мне безобидным.

— Прошу прощения, у меня в десять тридцать здесь же встреча с Максимом Аркадьевичем, я рано, — сказал Руслан Костров и улыбнулся всеми тридцатью двумя. — Господи. Лерка? Тёма? Ну конечно. Курс, воссоединись.

Он не изменился — то есть изменился ровно в ту сторону, в какую собирался ещё на третьем курсе. Костюм сидел так, как сидят вещи, которые подбирает стилист. Часы — на витрину, не под рукав. Запах ветивера дошёл до меня через полкомнаты раньше рукопожатия.

На курсе Руслан был звездой: лучшие подачи, лучшие макеты, папа-подрядчик, своя машина. Он трижды звал меня на свидания и трижды принимал отказ с такой безупречной улыбкой, что становилось неловко мне. После аварии он один из немногих позвонил — «держишь, Лер, если что нужно...». Я тогда была благодарна. Девять лет спустя я помнила только, что после того звонка он ни разу не набрал снова.

— Руслан. — Артём поднялся, и рукопожатие у них вышло короткое, мужское, ни грамма тепла. — Ты по программе реконструкции?

— По ней, родимой. «Штрих» подал на генподряд всей программы. Сорок объектов, Тёма. Кто-то же должен собрать это в один кулак, а то холдинг раздаёт лоты, — он повёл подбородком в мою сторону, и улыбка стала на градус теплее, — талантливым малым формам. Ничего личного, Лер, твой эскиз я видел — блестяще. Я серьёзно. Ты все-

гда была лучшим проектом нашего курса.

— Проекты не бывают чьими-то, Руслан, — сказала я. — У проектов бывают авторы.

— И это говорит человек, который девять лет строит чужие интерьеры вместо своих зданий. — Он сказал это мягко, почти с сочувствием, и только через секунду до меня дошло, что мне сейчас показали, где моё место, — красиво, без единого грубого слова. — Ладно, не буду мешать торгу. Тёма, увидимся у Максима. Лера... — он задержался в дверях, — рад, что ты снова в высшей лиге. Тут интереснее, чем внизу. Только страховку проверь.

Дверь закрылась. Дани, всё это время изучавший свои записки, произнёс в пространство:

— К слову, по генподряду. Комитет вчера отклонил заявку «Штриха» по семейному лоту «Соколиное»: Аркадий Ильич настоял на прямых договорах. Так что в вашем периметре, Валерия Павловна, «Штриха» не будет.

— А в остальной программе?

— А в остальной программе решает совет в октябре, — сказал Дани, и по тому, как аккуратно он это сказал, было ясно: в октябре будет война.

Артём стоял у окна и смотрел вслед — вниз, на плазу, где через минуту появилась фигурка в идеальном костюме и села в машину с водителем.

— Он проиграл лот и улыбался, — сказала я. — На курсе он улыбался так, только когда пересдавал начерталку на от-

лично со второго раза, заранее договорившись.

— Заметила. — Артём повернулся. — Плохо, что заметила только ты. Максим считает «Штрих» удобным: у них идеальная отчётность. Идеальная, Ветрова. У живых подрядчиков так не бывает.

— У живых смет тоже, — сказала я, и мы секунду смотрели друг на друга как два человека, которые только что обнаружили, что думают в одну сторону, и обоим это не понравилось.

— Тридцатый пункт, — Дани постучал пальцем по бумаге. — Размещение. Объект в сорока минутах от МКАД без пробок и в трёх часах с пробками. График — ежедневные решения до девяти утра, иначе декабрь уедет в март. Заказчик предоставляет исполнителю гостевой флигель усадьбы на весь срок работ. Прораба и бригадиров селим в городке подрядчика за территорией, а руководитель проекта — то есть вы — во флигеле. Это не обсуждается, это логистика.

— Я могу ездить.

— Можете. Плюс два часа в день, минус ваша голова к ноябрю. — Дани развёл руками. — И протокол безопасности: территория семейная, посторонним пропуска на день не выдаются, круглосуточный доступ — только у проживающих.

Я посмотрела на план усадьбы, приложенный к договору. Гостевой флигель — милый охотничий домик начала века, я сама закладывала его в эскиз как «резиденцию куратора реконструкции», потому что куратору положено жить на объ-

екте, это азбука.

Куратору. Жить. На объекте.

— Дани, — сказала я ровно, — а где на время работ размещается куратор от семьи?

— Во флигеле, — сказал Дани с прекрасным юридическим лицом. — Он двухкрылый. Восточное крыло — исполнитель, западное — куратор. Общая гостиная, общая кухня, кабинеты смежные, дверь в дверь. Аркадий Ильич лично утвердил схему размещения в субботу. Сказал — цитирую — «нечего гонять два генератора».

Чашка Артёма замерла на полпути к чертежам. По его лицу я поняла, что схему размещения он видит первый раз в жизни, и ещё я поняла, что думаем мы об одном и том же: о старике с тяжёлыми руками, который в библиотеке смотрел на нас обоих с видом режиссёра, у которого пьеса уже расписана по актам.

— Пункт четырнадцатый, — сказал Артём куда-то в стол, — при такой схеме размещения приобретает интересную судебную перспективу.

— Пункт четырнадцатый, — отозвался Дани без тени улыбки, — предусматривает воздержание от отношений, а не от кухни. Завтракайте на здоровье.

Я подписала. Оба экземпляра, все тридцать один пункт плюс мой пятнадцатый, своей ручкой, ровно, буква к букве.

Переезжали мы в среду. Гоша, наш макетчик, семидесятилетний, сухой и ворчливый, как старый паркет, грузил в

фургон плоттер с такой нежностью, с какой не всякий грузит младенцев, и всю дорогу до Рублёвки читал мне лекцию о том, что в его время дизайнеры на объектах не жили, а страдали дистанционно.

— Флигель, — сказал он, когда мы въехали в ворота «Соколиного» и охотничий домик показался из-за елей. — Ишь ты. Модерн, тысяча девятьсот пятый — седьмой. Стропильная система небось родная. Валерия Павловна, если там родные стропила, я на пенсию не уйду, не надейтесь.

— Вы это обещаете третий год, Гоша.

— И держу слово.

Флигель внутри пах нагретым деревом и немного пылью — запах домов, которые долго ждали людей. Восточное крыло мне понравилось сразу: спальня окнами на пруд, кабинет с настоящим, не декоративным, письменным столом, и рабочая гостиная посередине — общая, как и было обещано, с камином и длинным столом, на котором можно раскатывать чертежи в полный формат.

Дверь в западное крыло была закрыта. Возле неё стояли три картонные коробки с книгами, теодолит без чехла и гитара.

Гитара. Я отвернулась и пошла распаковывать нивелир.

Артём приехал в девятом часу вечера, когда Вика с Гошей уже уехали, а я сидела в гостиной над обмерами и пила чай из походной кружки, потому что в каком ящике чашки — тайна, покрытая скотчем. Он вошёл, поставил на стол ту са-

мую керамическую чашку с щербинкой, посмотрел на мою кружку, на разложенные листы, на меня.

— Работаешь.

— Утром замерщики нашли расхождение с паспортом БТИ на сорок сантиметров по восточному фасаду. Хочу понять, где эти сорок сантиметров живут, пока мы не начали ломать.

— Покажи. — Он сел напротив, отодвинул свою чашку, чтобы не капнуть на лист, и склонился над обмерами, и пятнадцать минут мы разговаривали исключительно цифрами, и это были самые безопасные пятнадцать минут за весь день.

Расхождение нашлось: пристройка тридцатых годов, съевшая часть анфилады, на планах не значилась. Артём откинулся на стуле, потёр переносицу — жест остался прежним, только морщинка между бровями стала глубже.

— Правила, — сказала я, сворачивая лист. — Раз уж нас поселили дверь в дверь. Первое: гостиная — рабочая зона, личное — за своими дверями. Второе: завтрак по графику, я в семь, вы в восемь, кухня свободна к девяти. Третье: без музыки после одиннадцати.

— Гитару увидела, — сказал он.

— Гитару увидела.

— Я на ней не играл девять лет, Ветрова. Вожу с собой, как... — он поискал слово и не стал договаривать. — Принято. Встречное правило, одно. За этим столом не врут. Можно молчать, можно послать меня к чертежам, но не врать. У

меня в жизни переизбыток людей с идеальной отчётностью.

В камине щёлкнуло полено. Я подумала про пункт четырнадцатый, про пункт пятнадцатый, про все пункты, которыми люди огораживаются от того, что с ними уже происходит.

— Принято, — сказала я. — Спокойной ночи, Артём Аркадьевич.

— Спокойной ночи, Валерия Павловна.

Я закрыла за собой дверь восточного крыла и минуту стояла, прислонившись к ней спиной, слушая, как за стеной он двигает коробки, как глухо звякнула струна — задел, не играл, — и как потом стало тихо.

А в четверг начались будни: бытовка, каски, замеры, первый субподряд по демонтажу, ругань с поставщиком лесов — я торговалась за нормальный крепёж так, что прораб зауживал меня к обеду, а к вечеру уже звал «Пална». Пятница прошла в согласованиях. В субботу приехала Ника — официально «посмотреть, как идут дела у дедушкиного проекта», фактически — простукивать со мной стены восточного крыла, потому что «на мизинчик — это документ».

Пустоту мы нашли. Второй этаж, торцевая стена анфилады, три метра от угла: звук менялся с каменного на картонный ровно на протяжении полутора метров. По всем планам — и родным, и БТИ — там была сплошная кладка.

— Говорила же, — прошептала Ника с горящими глазами. — Клад?

— Скорее всего, заложенный проём или старый дымоход.

— Я отметила границы мелом. — Вскроем на демонтаже, недели через две. Раньше нельзя: наряд, пылезашита, согласование.

— Две недели, — простила Ника. — Я умру.

— Не умрёшь. Будешь вести журнал наблюдений: дата, место, звук, версия. Настоящие исследователи половину славы получают за журналы.

— А вторую половину?

— За то, что дожили до вскрытия.

Ника посмотрела на меня с уважением и достала телефон — заводить журнал. День был лёгкий. Последний по-настоящему лёгкий день той осени, если считать по моему внутреннему журналу наблюдений.

В воскресенье приехал поставщик лесов — тот самый, с которым я торговалась в четверг, — и привёз образцы крепежа. Я взяла хомут, повертела, поскребла ногтем маркировку и положила обратно.

— Это не сорок восьмой типоразмер. И сталь не та, что в спецификации. Перепутали на складе?

— Пална, ну какая разница, — задушевно сказал поставщик. — Нагрузки те же, бумаги я вам любые...

— Бумаги — любые, — согласилась я. — Вот именно поэтому. Забирайте партию. По договору — замена в три дня или штраф ноль пять процента в сутки.

— Да вы с ума сошли, из-за хомутов...

— Из-за хомутов, — сказал за моей спиной Артём. Я не

слышала, как он подошёл. Он стоял в каске, с планшетом под мышкой, и голос у него был лёгкий, а глаза нет. — Девять лет назад на «Гром-Плазе» тоже была разница в один типоразмер. Двое рабочих до сих пор на инвалидности. Замена в три дня — или до свидания, реестр поставщиков холдинга у Дани обновляется быстро.

Поставщик увял, погрузил образцы и уехал. Мы остались у штабеля лесов вдвоём.

— Спасибо, — сказала я. — Только я бы справилась сама.

— Знаю, — сказал он. — Я не тебе помогал. Я себе не мог иначе.

Он ушёл к бытовке, а я стояла и смотрела ему в спину, и думала, что девять лет назад на суде никто из Громовых не сказал вслух ни слова про типоразмеры. И что, кажется, один из них все эти девять лет об этом помнил.

Потому что вечером Вика привезла мне на объект коробку с остатками офисной мелочи и новость: в профильных телеграм-каналах написали, что «Громов Групп» отдал семейный объект «студии из трёх человек», и под постом какой-то аноним с пустой аватаркой оставил первый комментарий.

«Поинтересуйтесь, — писал аноним, — какая девичья фамилия у владелицы студии и где работал её отец в две тысячи семнадцатом. История ходит кругами».

Комментарий провисел сорок минут и исчез. Не «был удалён модератором» — исчез сам, как исчезают сообщения, которые писались не для публики, а для одного-единствен-

ного читателя.

Для меня.

Глава 3. Восточное крыло

За две недели усадьба привыкла к нам, а мы — к ней, и это было опаснее любых анонимных комментариев, потому что к дому, который ты чинишь, прирастаешь быстрее, чем успеваешь выставить счёт.

Будни сложились в ритм, как хорошая кладка. В шесть тридцать я выходила на пробежку вокруг пруда — воздух на Рублёвке оказался возмутительно хорош, дышалось как в детстве на даче. В семь я завтракала по графику, в семь пятьдесят пять мыла чашку, и ровно в восемь на кухню входил Артём — всегда в ту минуту, когда я вытирала руки, и мы сталкивались в дверях, и он говорил «доброе утро, Валерия Павловна», и я говорила «доброе утро, Артём Аркадьевич», и в этом обмене отчествами было столько же нейтралитета, сколько в демилитаризованной зоне: формально — тишина, фактически — все окопы заняты.

Работал он, к моему тихому раздражению, хорошо. Куратор с правом подписи — это обычно человек, который приезжает раз в неделю портить всем жизнь, но Артём знал объект лучше некоторых моих замерщиков, решения принимал быстро и по делу, а один раз при мне полчаса объяснял субподрядчику по вентиляции, почему в доме тысяча девятьсот седьмого года нельзя резать родные балки под короб, и в го-

лосе у него было столько холодного бешенства, что субподрядчик потом переспрашивал у прораба, точно ли этот человек — «который по ресторанам».

Днём мы разговаривали цифрами и были почти командой. Вечерами — расходились по своим крыльям, и общая гостиная стояла пустая, как переговорная после рабочего дня.

Почти всегда.

По четвергам он задерживался у камина с ноутбуком — считал что-то по своему питерскому запуску, — а я приносила обмеры, потому что за длинным столом удобнее, и мы работали молча, каждый в своём углу, и полено щёлкало в камине, и это молчание было единственным временем суток, когда я не помнила, сколько нам обоим лет и что между этими цифрами лежит.

В одну из таких тихих вечерних смен я, потянувшись за рулоном кальки, спросила — само вырвалось, без плана:

— Беседка у пруда. Её сносим по проекту или ты вычеркнул это моей рукой?

Артём поднял голову от ноутбука. По проекту на месте старой беседки — прозрачный павильон зимнего сада, я сама его рисовала, до того как узнала, чей это пруд.

— А ты помнишь, что это за беседка, — сказал он. Не спросил. Сказал.

Помнила ли я. Третий курс, июнь, сессия, Громы уехали всем домом в Европу, а Артём привёз меня «на один день, поплавать» — и мы четыре дня чертили в этой беседке кур-

совые, разложив листы на полу, прижав углы кружками, и он тогда написал на внутренней стороне перил карандашом формулу момента инерции, которую я вечно путала, и сказал: «Всё, теперь это твоя шпаргалка навсегда, приходи и списывай». И там же, над этой дурацкой формулой, он меня поцеловал. Не в первый раз. Но так — в первый.

— Я помню, что у неё сгнили нижние венцы, — сказала я. — И что фундамент — четыре валуна, положенные в тысяча девятьсот десятом на глазок.

— Понятно, — сказал он и вернулся к ноутбуку. А через минуту, не поднимая головы: — Венцы меняются. Валуны стоят сто лет и ещё сто простоят. Внеси в проект реставрацию беседки, отклонение подпишу по девятому пункту. Считай это капризом заказчика.

Я внесла. Молча. А ночью, засыпая, поймала себя на том, что пытаюсь вспомнить, стерлась ли за девять лет карандашная формула, и запретила себе ходить к беседке проверять.

Ника приезжала по субботам, вела журнал наблюдений и таскалась за мной по объекту в детской каске, которую ей выдал прораб, проникшийся к «маленькой хозяйке» суровой нежностью. Её журнал я как-то полистала: там была таблица «Кто как врёт» с колонками «человек», «когда улыбается», «когда говорит правду», и напротив моей фамилии стояло: «Улыбается редко. Врёт только про одно». Я не стала спрашивать, про что. Тринадцатилетние следователи страшнее взрослых: у них нет жалости, потому что они ещё не зна-

ют, как это больно, когда тебя читают.

Гоша тем временем вращался в усадьбу, как я и боялась, навсегда. Ему отдали под мастерскую бывшую оранжерею, он развернул там макет восточного крыла в двадцать пятом масштабе и по вечерам рассказывал охране истории про то, как строили Москву при его молодости. А во вторую пятницу он пришёл ко мне в кабинет странно тихий, держа под мышкой картонный тубус.

— Валерия Павловна. Я в архиве усадьбы копался — мне Аркадий Ильич допуск дал, чертежи родные искал по флигелю. Вот. Посмотрите.

В тубусе лежали кальки — инженерная документация по усилению перекрытий восточного крыла, две тысячи шестнадцатый год. Аккуратнейшая графика, узлы вычерчены от руки, со штриховкой, с той старомодной любовью, по которой сразу отличаешь человека, выросшего за кульманом, от человека, выросшего за монитором.

В правом нижнем углу каждого листа стоял штамп проектировщика. «Инженер П. Н. Ветров».

— Почерк-то я узнал раньше штампа, — тихо сказал Гоша. — Я же с Пал Николаичем два года на «Гром-Плазе» рядом просидел, я у него макеты узлов делал. Лучший инженер из всех, с кем я работал, и человек был... — Гоша пожевал губами. — Вы не знали, что он тут проектировал?

Я держала кальку и очень старалась, чтобы руки оставались самой надёжной частью организма.

Отец. Здесь. За год до аварии. Он усиливал перекрытия того самого крыла, которое я теперь реконструирую. Он ходил по этим коридорам, пил чай, наверное, вот в этой самой оранжерее, и нигде, ни разу, ни в одном семейном разговоре он не сказал: «Работаю у Громовых». Впрочем, он никогда не называл заказчиков по именам — профессиональная этика старой школы: «объект на западе», «объект на Рублёвке».

Объект на Рублёвке.

— Не знала, — сказала я. — Спасибо, Гоша. Оставьте кальки мне.

Ночь после Гошиных калек я не спала — лежала и складывала таймлайн, как складывают вещдоки в коробку. Две тысячи шестнадцатый: отец проектирует усиление перекрытий в «Соколином». Две тысячи семнадцатый, март: его ставят главным инженером проекта на «Гром-Плазу», флагманскую башню холдинга, он приходит домой позже, но глаза у него горят — «Лерка, там пролёты, каких в Москве ещё не лили». Сентябрь: обрушение лесов на одиннадцатом этаже, двое покалеченных, уголовное дело. Экспертиза находит несоответствие крепежа проектной смете — а смета подписана Ветровым. Отец на кухне, ночью, маме, глухо, сквозь стену слышно: «Тань, я эту смету не подписывал. То есть подписывал — но не эту». Адвокат разводит руками: подпись ваша, экспертиза почерка подтверждает. Суд: условный срок, запрет на профессию. Для человека, который сорок лет жил узлами и пролётами, запрет на профессию — это не на-

казание, это ампутация. Год он сидел дома, чертил на кульмане мосты, которые никто не заказывал, и худел. В октябре восемнадцатого сердце его остановилось между вторым и третьим пролётом безымянного моста, и мама пережила его на четыре года, из которых ни одного дня не была живой по-настоящему.

Вот что лежало в тубусе Гоши между кальками — весь мой две тысячи семнадцатый, аккуратно вычерченный от руки, со штриховкой.

И вот почему девять лет назад я не взяла трубку, когда Артём звонил из своей Барселоны, со своей практики, — сначала не взяла, потому что сутками сидела в судах и коридорах, а потом не взяла, потому что поняла простую вещь, которую не могла произнести вслух: на всех документах, утопивших моего отца, стоял логотип «Громов Групп». Заказчик не сел. Заказчик не был даже допрошен толком. Заказчик прислал на суд юриста в хорошем костюме, и юрист сказал: «Холдинг доверяет выводам экспертизы». Фамилия Громов подписала приговор моему отцу — молча, вежливо, корпоративно. А я любила человека с этой фамилией и не смогла придумать, как любить его дальше, не предавая отца. Мне было двадцать один. Я выбрала так, как выбирают в двадцать один: молча, наотмашь, навсегда.

Об этом я не рассказывала никому и не собиралась. Особенно теперь, когда между мной и этой фамилией лежал контракт с пунктом четырнадцать и кредит моей студии.

Он потоптался у двери и добавил, не оборачиваясь:

— Узлы его — хоть сейчас в учебник. Проверяйте не проверяйте, там запас двойной. Он иначе не умел.

В воскресенье между этими двумя событиями случился семейный ужин, от которого я отбивалась неделю и на который всё-таки попала, потому что отбиваться от Сони Громовой — занятие безнадёжное: она не давит, она кормит. «Просто ужин, просто по-домашнему, вы же там одичали во флигеле на своих сметах» — и вот я уже сижу за длинным столом в малой столовой большого дома, и Тамара Ивановна, приехавшая из городского пентхауса «проследить, чтобы молодёжь не питалась кейтерингом», накладывает мне вторую порцию, не спрашивая.

За столом их было семеро, Громовых и примкнувших, и я впервые видела эту семью не в переговорной. Максим без галстука оказался на пять лет моложе и на десять градусов теплее; он почти не говорил о делах, зато дважды — я считала — коснулся плеча Сони просто так, проходя мимо, и оба раза у него делалось лицо человека, который до сих пор не верит своему счастью. Соня царила над десертами. Ника вела светскую беседу со мной о демонтаже, вставляя слова «наряд-допуск» и «пылезащита» с наслаждением коллекционера. Аркадий Ильич сидел во главе, ел мало, смотрел много.

А Глеб опоздал на сорок минут, вошёл без извинений, с телефоном в руке, — младший Громов, резкий, тёмный, кра-

сивый той неудобной красотой, от которой у людей портятся биографии, — сел напротив меня, посмотрел внимательно и сказал вместо приветствия:

— Значит, вы та самая Ветрова, из-за которой Тёма в тендерном комитете голосовал против собственного вкуса. Интересно живём.

— Глеб, — сказал Артём.

— Что — Глеб? Я комплимент сделал. Против вкуса у нас в семье голосуют только по большой любви к процедурам. — Он повертел в пальцах вилку. — Или по большой...

— Глеб, — сказал Аркадий Ильич, и стало тихо. Патриарх неторопливо промокнул губы салфеткой. — Ты финансист. Вот и посчитай, во сколько тебе обойдётся договорить.

Ужин покатился дальше, тёплый и шумный, и я поймала себя на том, что мне здесь физически хорошо — от запаха пирога, от Никиных таблиц, от того, как Тамара Ивановна ворчит на Максима, что тот опять не доел, а СЕО холдинга с миллиардным оборотом покорно доедает. Дом. Настоящий, не с картинки. У меня такого не было девять лет — с тех пор, как наша кухня на «Автозаводской» перестала пахнуть отцовским чаем с чабрецом.

Уже в дверях, когда я прощалась, Аркадий Ильич задержал меня на секунду — той же тяжёлой рукой на локте.

— Не спрашиваю, как идёт стройка, — по сводкам вижу, что идёт. Спрошу другое. — Он глянул мне за спину, туда, где в столовой смеялись. — Вам в этом доме как, Валерия

Павловна? Дышится?

— Дышится, — сказала я честно, потому что за длинным столом Громовых, как выяснилось, действовало то же правило, что и у нас в гостиной флигеля.

— Вот и хорошо. Это важнее сметы. — Он помолчал. — Разговор про отца вашего с меня не снят, я помню. Скоро.

Я шла к флигелю через тёмный парк и думала: почему все в этой семье говорят со мной так, будто продолжают какой-то давно начатый без меня разговор?

А во вторую субботу Ника втащила меня в беседку у пруда — «это тоже объект, ты обязана осмотреть по протоколу». Беседка пахла старым деревом и тиной, нижние венцы действительно дышали на ладан, я честно диктовала Нике в журнал дефектную ведомость: венцы — под замену, кровля — перестелить, полы — циклевать... Ника ползала по периметру со своим фонариком и вдруг позвала — тихо, не своим голосом:

— Лер. Тут написано что-то. Карандашом. Старое.

Я знала, что там написано, раньше, чем подошла. Внутренняя сторона перил, южная, куда не бьёт дождь. Формула момента инерции — выцветшая, но живая, и под ней вторая строчка, которую я за девять лет умудрилась забыть, а теперь вспомнила разом, целиком, вместе с почерком: «Шпаргалка действительна вечно. А.»

— Это по строительству? — спросила Ника, сощурившись.

— Это по сопромату, — сказала я. — Наука о том, сколько нагрузки выдерживает материал, прежде чем сломаться.

— А кто такой «А»?

— Автор формулы, — сказала я, и Ника посмотрела на меня своим рентгеновским взглядом, всё поняла, как она всегда всё понимает, и — редчайший случай — промолчала. Только вписала в свой журнал, в таблицу «Кто как врёт», что-то короткое, прикрыв страницу ладонью.

В дефектную ведомость беседки я записала: «Карандашные надписи на перилах — сохранить. Реставрация без зачистки южной стороны». Прораб потом переспросил, не описка ли. Не описка.

Стройка тем временем шла с опережением на четыре дня, и я держалась за это опережение, как за перила: демонтаж поздних перегородок закончили, гипсокартонное враньё девяностых вынесли шестью контейнерами, и восточное крыло действительно вздохнуло — анфилада простреливалась светом насквозь, как я и обещала Аркадию Ильичу на планшетах. Вика из города присылала сводки: кредит реструктурировали под громовский контракт, в студию стучались три новых заказчика, «нас начали узнавать, Лер, ты понимаешь?!». Я понимала. Ещё я понимала, что все наши новые заказчики появились после того, как о подряде написали телеграм-каналы, и что тот стёртый комментарий с пустой аватарки читали не только мы с Викой. Тишина вокруг него стояла странная — как пустота за кладкой: по всем планам

сплошная стена, а звук картонный.

Вот с этими кальками на столе меня и застал вечер вторника третьей недели — день, на который по графику производства работ было назначено вскрытие аномалии в торцевой стене анфилады. Той самой полутораметровой пустоты, которую мы с Никой нашли простукиванием и которую я две недели держала под мелом, пылезащитой и нарядом-допуском.

Собрались как на маленькую операцию: я, прораб, двое демонtajнников, Гоша с фонарём — и Артём, который с утра перекроил свой график, коротко сказав: «Стена несущая, я обязан присутствовать как куратор». Ника рыдала по телефону, что вскрытие назначили на школьный день, и взяла с меня клятву снимать всё на видео.

Кладку разбирали аккуратно, по кирпичу. Кирпич шёл странно легко — раствор был не родной, известковый, а поздний цементный, и класли его торопливо, без перевязки, одну версту.

— Халтура, — сказал прораб, вынимая четвёртый кирпич. — Заделывали за день, максимум за два. И не каменщик клал — подсобник.

— Когда? — спросил Артём.

— По раствору — лет восемь-десять назад. Не старше пятнадцати.

Фонарь Гоши ушёл в чёрный проём и осветил нишу — старый заложённый дверной проём между анфиладой и тех-

ническим коридором, о котором не знали даже родные чертежи. На полу ниши, в серой пыли, лежали: монтировка, свёрнутый в рулон рабочий журнал в клеёноччатой обложке, армейский термос — и каска. Журнал прораб поднял первым, полистал под фонарём и присвистнул: журнал смен «Гром-Плазы», лето две тысячи семнадцатого, записи обрываются за девять дней до конца — последние страницы вырваны с мясом, под корешок.

Белая инженерная каска, из тех, что выдавали ИТР на объектах холдинга, с полустёртой наклейкой подрядной организации на боку. Гоша потянулся, взял её двумя руками, повернул к свету.

На внутреннем ободе, там, где расписываются, чтобы не перепутать в бытовке, чёрным несмываемым маркером, знакомым мне до последнего наклона буквы почерком, было выведено: «П. В.».

Каска отца. Отец не расставался с ней последние годы — я помнила её на вешалке в прихожей, помнила, как мама ворчала, что каскам не место в квартире, помнила, как после суда каска исчезла, и я решила, что её забрали вместе с другими вещами с «Гром-Плазы».

«Гром-Плаза» — тридцать километров отсюда. Что делала каска моего отца в замурованной нише усадьбы «Соколиное», заложённой цементным раствором восемь-десять лет назад — торопливо, без перевязки, за день?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.